

Перцов Петр Петрович

**Философские течения русской
поэзии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Петрович П.**
Философские течения русской поэзии / Перцов Петр Петрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 396 с.

ISBN 978-5-521-27801-5

Содержание.: Ст: А.С. Пушкин, Д.С. Мережковского. Е.А. Баратынский, С.А. Андреевского. А.В. Кольцов, Д.С. Мережковского и П. Перцова. М.Ю. Лермонтов, С.А. Андреевского. Н.П. Огарев, П.П. Перцова. Ф.И. Тютчев, Влад. С. Соловьева. Гр. А.К. Толстой,] П. П. Перцова. А.А. Фет, Б.В. Никольского. Я.П. Полонский, П.П. Перцова. А.Н. Майков, Д. С. Мережковского. А.Н. Апухтин., П.П. Перцова. Гр. А.А. Голенищев-Кутузов, П.П. ПерцоваFB

ISBN 978-5-521-27801-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Читатель найдетъ въ предлагаемой книгѣ характеристику двѣнадцати русскихъ поэтовъ съ подборомъ соответствующихъ стихотвореній каждого изъ нихъ *). Основная цѣль сборника—разъясненіе и опредѣленіе философскихъ теченій нашей поэзіи: вопросъ, какъ согласится читатель, настолько-же любопытный, насколько мало разработанный. Сообразно съ этою цѣлью, руководящіе критическіе очерки, посвященные каждому поэту, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ его міросозерцаніе; разсматриваютъ его, какъ мыслителя, какъ философа. Если искусство есть лучшая форма выраженія индивидуальности, лучший способъ раскрытія души человѣческой, — то съ другой стороны главнымъ содержаніемъ индивидуальности, опредѣляющимъ ея моментомъ является безспорно ея религія: то или иное отношеніе человѣка къ важнѣйшимъ, къ вѣчнымъ вопросамъ бытія. Отсюда ясно то значеніе, тотъ интересъ, который представляетъ вышеуказанная точка зрѣнія: поэзія въ сферѣ образнаго мышленія даетъ столь-же серьезный и богатый матеріалъ философскаго характера, какъ «философія» (въ техническомъ смыслѣ этого слова) въ сферѣ мышленія логическаго, научнаго.

Первый опытъ всякаго дѣла почти всегда страдаетъ пробѣлами. Читатель легко усматриваетъ, что двѣнадцать именъ объединенныхъ въ этомъ сборникѣ не исчерпываютъ всего списка замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ. Жуковский, Некрасовъ, Мей и др., безъ сомнѣнія, съ полнымъ правомъ могли-бы дополнить это изданіе (не говоря объ отсутствіи законченной характеристики поэзіи Полонскаго). Но вину этого пропуска составитель не рѣшается всецѣло принять на себя: своеобразное отношеніе прежней русской критики къ вопросамъ поэзіи и философіи оставило инте-

*) За исключеніемъ Пушкина — отчасти вслѣдствіе обширности характеристики, отчасти вслѣдствіе популярности поэта.

ресующую насъ область почти неразработанной. И предлагаемый сборникъ, представляя своего рода сводъ недавнихъ попытокъ въ указанномъ направленіи, оставляетъ, конечно, еще очень много мѣста для работы даже на затронутыя имъ темы.

Характеристики: Пушкина (Д. С. Мережковского), Огарева, Полонскаго и гр. А. К. Толстаго (составителя сборника) появляются въ этомъ изданіи впервые; всѣ-же остальные, уже бывшія ранѣе въ печати, подверглись большей или меньшей передѣлкѣ (особенно значительно расширенный этюдъ г. Никольскаго о Фетѣ).

Въ заключеніе составитель считаетъ себя обязаннымъ выразить признательность г. Влад. С. Соловьеву, любезно уступившему для сборника свой этюдъ о Тютчевѣ.

А. С. Пушкинъ.

I.

«Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное, — пишетъ Гоголь въ 1832 году—и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это—русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ той-же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла». Въ другомъ мѣстѣ Гоголь замѣчаетъ: «Въ послѣднее время набрался онъ много русской жизни и говорилъ обо всемъ такъ мѣтко и умно, что хоть записывай всякое слово: оно стоило его лучшихъ стиховъ; но еще замѣчательнѣе было то, что строилось внутри самой души его и готовилось освѣтить передъ нимъ еще больше жизнь».

Императоръ Николай Павловичъ, въ 1826 году, послѣ перваго свиданія съ Пушкинымъ, которому было тогда 27 лѣтъ, сказалъ гр. Влудову: «Сегодня утромъ я бесѣдовалъ съ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи». Впечатлѣніе огромной умственной силы Пушкина, повидимому, производилъ на всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчался и способенъ былъ его понять. Французскій посолъ Барантъ, человѣкъ умный и образованный, одинъ изъ постоянныхъ собесѣдниковъ кружка А. О. Смирновой, говорилъ о Пушкинѣ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, утверждая, что онъ—*«великій мыслитель»*, что «онъ мыслить, какъ опытный государственныи мужъ». Также относились къ нему и лучшіе русскіе люди, современники его: Гоголь, кн. Вяземскій, Плетневъ, Жуковский. Однажды, встрѣ-

тивъ у Смирновой Гоголя, который съ жадностью слушалъ разговоръ Пушкина и отъ времени до времени заносилъ слышанное въ карманную книжку, Жуковский сказалъ: «Ты записываешь, что говоритъ Пушкинъ. И прекрасно дѣлаешь. Попроси Александру Осиповну показать тебѣ ея замѣтки, потому что каждое слово Пушкина драгоцѣнно. Когда ему было восемнадцать лѣтъ, онъ думалъ, какъ тридцатилѣтній человѣкъ: умъ его созрѣлъ гораздо раньше, чѣмъ его характеръ. Это часто поражало насъ съ Вяземскимъ, когда онъ былъ еще въ лицѣ».

Впечатлѣніе ума, дивнаго по ясности и простотѣ, болѣе того, — впечатлѣніе истинной *мудрости* производить и образъ Пушкина, нарисованный Смирновой. Современное русское общество не оцѣнило книги, которая во всякой другой литературѣ составила бы эпоху. Это непониманіе объясняется и общими причинами — первороднымъ грѣхомъ русской критики, ея культурной неотзывчивостію, и частными — тѣмъ упадкомъ художественнаго вкуса, эстетическаго и философскаго образованія, который, начиная съ 60-хъ годовъ, продолжается донынѣ и вызванъ проповѣдью утилитарнаго и тенденціознаго искусства, проповѣдью такихъ критиковъ, какъ Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ. Одичаніе вкуса и мысли, продолжающееся полвѣка, не могло пройти даромъ для русской литературы. Слѣдъ грубой и мутной волны черни, нахлынувшей съ такою силою, чувствуется и понынѣ. Авторитетъ Писарева поколебленъ, но не палъ. Его отношеніе къ Пушкину кажется теперь варварскимъ; но и для тѣхъ, которые говорятъ явно противъ Писарева наивный ребяческій задоръ демагогическаго критика все еще сохраняетъ нѣкоторое обаяніе. Грубо-утилитарная точка зрѣнія Писарева, въ которой чувствуется смѣлость и раздраженіе дикаря передъ созданьями непонятной ему культуры, теперь анахронизмъ; эта точка зрѣнія замѣнилась болѣе умѣренной — либерально-народнической, съ которой Пушкина, пожалуй, можно оправдать въ недостаткѣ политической выдержки и прямоты. Тѣмъ не менѣе Писаревъ, какъ привычное тяготѣніе и склонность ума, все еще таится въ безсознательной глубинѣ многихъ современныхъ критическихъ сужденій о Пушкинѣ. Писаревъ, Добролюбовъ, Чернышевскій вошли въ плоть и кровь некультурной русской критики: это — грѣхи ея молодости, которые не такъ-то легко прощаются, это — старая хроническая болѣзнь. Писаревъ, какъ представитель русскаго варварства въ литературѣ, не менѣе націоналенъ, чѣмъ Пушкинъ, какъ представитель высшаго цвѣта русской культуры.

«Конечно, у автора «Цыганъ» и «Мѣднаго Всадника»—такъ разсуждаютъ современные почитатели Пушкина,—есть кое-что кромѣ воспѣванія женскихъ ножекъ и шилучаго ан,—но по глубинѣ міросозерцанія ему все-же далеко до Гете и Байрона, даже до Гейне и Шелли». Пушкинъ—великій мыслитель, мудрецъ,—съ этимъ, кажется, согласились-бы немногіе даже изъ самыхъ его пламенныхъ и суевѣрныхъ поклонниковъ. Всѣ говорятъ о народности, о простотѣ и ясности Пушкина, и многія изъ этихъ замѣчаній вѣрны, но до сихъ поръ никто, кромѣ Достоевскаго, даже попытки не дѣлалъ найти въ поэзіи Пушкина стройное міросозерцаніе, великую мысль. Сторону эту вѣжливо обходили, какъ-бы чувствуя, что благоразуміе не говорить о ней, что оно выгодно для самого Пушкина. Конечно, его не сравниваютъ ни со Львомъ Толстымъ, ни съ Достоевскимъ: вѣдь тѣ—пророки, учителя или хотятъ быть учителями, а Пушкинъ *только* поэтъ, *только* художникъ. Повторяю,—въ глубинѣ почти всѣхъ русскихъ сужденій о Пушкинѣ, даже самыхъ благоговѣйныхъ, есть безсознательно переживающій духъ Писарева,—заранѣе составленное и только изъ уваженія къ великому поэту не высказываемое убѣжденіе въ нѣкоторомъ легкомысліи и легковѣсности пушкинской поэзіи, побуждающей отнюдь не силою мысли, а прелестью формы. Въ сравненіи съ титаническою музою Льва Толстого, суровою, тяжело-скорбною, вопіющею о мукахъ, о смерти, о вѣчности,—легкая, свѣтлая, олимпийская муза Пушкина, эта рѣзвая «шалунья», «вакханочка»,—какъ онъ самъ ее называлъ—вѣчно-пляшущая, вѣчно-смѣющаяся, кажется—не правдали—такую немудрую, такую несерьезную. Кто-бы могъ сказать, что она мудрѣе мудрыхъ?

Вотъ почему не повѣрили Смирновой. Пушкинъ, подобно Гете, разсуждающій о міровой поэзіи, о философіи, о религіи, о судьбахъ Россіи, о прошломъ и будущемъ человѣчества—это было такъ ново, такъ странно и чуждо заранѣе составленному мнѣнію, что книгу Смирновой постарались не понять, вѣжливо замалчивали, или, по обычаю русской журналистики, которая мало выиграла со временъ Булгарина, непристойно вышучивали, выискивали въ ней ошибки, придирались къ мелкимъ неточностямъ, чтобы доказать, что собесѣдница Пушкина не заслуживаетъ довѣрія, а ея отношеніе къ Николаю I сочли неблаговиднымъ съ либеральной точки зрѣнія. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что русское общество до сихъ поръ не имѣетъ своего мнѣнія о книгахъ и ходитъ на помочахъ у критики. Еще разъ, черезъ 60 лѣтъ послѣ смерти, великій поэтъ оказался не

по плечу своей родинѣ, еще разъ восторжествовалъ духъ Булгарина, духъ Писарева,—ибо эти оба духа родственныѣ другъ другу, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Но книга Смирновой имѣетъ свое будущее: въ мудрыхъ бесѣдахъ съ лучшими людьми вѣка Пушкинъ недаромъ бросаетъ сѣмена неосуществленной русской культуры. Когда наступитъ не академическій и не лицемерный возвратъ къ Пушкину, когда у насъ явится наконецъ критика, т. е. культурное самосознаніе народа, соответствующее величію нашей поэзіи,—то «Записки Смирновой» будутъ оценены и поняты, какъ живые завѣты величайшаго изъ русскихъ людей будущему русскому просвѣщенію.

Историческая сила этой книги заключается въ томъ, что воспроизводимый ею образъ Пушкина-мыслителя какъ нельзя болѣе соответствуетъ образу, который таится въ необъясненной глубинѣ законченныхъ созданій поэта и гениальныхъ отрывковъ, намековъ, замѣтокъ, писемъ, дневниковъ. Для внимательнаго изслѣдователя неразрывная связь, глубокое совпаденіе этихъ двухъ образовъ есть неопровержимое доказательство истинности пушкинскаго духа въ запискахъ Смирновой, каковы-бы ни были ихъ внѣшніе промахи и неточности. Пушкинъ и здѣсь, и тамъ—и въ своихъ произведеніяхъ и у Смирновой—одинъ человекъ, не только въ главныхъ чертахъ, но и въ мелкихъ подробностяхъ, неуловимыхъ отбѣнкахъ личности. Нерѣдко Пушкинъ у Смирновой объясняетъ ту мысль, на которую намекалъ въ недоконченной замѣткѣ своихъ дневниковъ, и наоборотъ—мысль, которая брошена мимоходомъ въ бесѣдѣ со Смирновой, становится ясной только въ связи съ нѣкоторыми рукописными набросками и замѣтками. Смирнова открываетъ намъ глаза на Пушкина, разоблачаетъ въ немъ то, что мы, такъ сказать, видя—не видѣли, слыша—не слышали. Передъ нами возникаетъ не только живой Пушкинъ, какимъ мы его знаемъ, но и Пушкинъ будущаго, Пушкинъ недовершенныхъ замысловъ,—такой, какимъ мы его предчувствуемъ по гениальнымъ откровеніямъ и намекамъ. Дѣлается понятнымъ, откуда и куда онъ шелъ, открывается высшая ступень просвѣтлѣнія, которой онъ не достигъ, но уже достигалъ. Еще шагъ, еще усиліе—и Пушкинъ, какъ другой русскій титанъ, столь родной ему по духу,—Петръ Великій, поднималъ-бы и вынесъ русскую поэзію, русскую культуру на міровую высоту. Въ это мгновеніе завѣса падаетъ, голосъ поэта умолкаетъ навѣки, и въ сущности вся послѣдующая исторія русской литературы есть исторія довольно роб-

кой и малодушной борьбы за пушкинскую культуру съ нахлынувшей волною демократическаго варварства, исторія могущественнаго, но односторонняго воплощенія его идеаловъ, медленнаго угасанія, паденія, смерти Пушкина въ русской литературѣ.

Трудность обнаружить его міросозерцаніе заключается въ томъ, что нѣтъ одного главнаго произведенія, въ которомъ-бы поэтъ сосредоточилъ свой гений, сказалъ міру все, что имѣлъ сказать, какъ Данте — въ «Божественной комедіи», Гете — въ «Фаустъ», Байронъ — въ «Донъ-Жуанъ». Наиболѣе совершенныя созданія Пушкина не даютъ полной мѣры его силъ: внимательный изслѣдователь отходитъ отъ нихъ съ убѣжденіемъ, что Пушкинъ выше своихъ созданій. Подобно Петру Великому, съ которымъ онъ чувствовалъ глубокую связь, Пушкинъ былъ не столько совершенителемъ, сколько начинателемъ русскаго просвѣщенія. Въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ закладываетъ онъ фундаменты будущихъ зданій, пролагаетъ дороги, рубитъ просѣки. Романъ, повѣсть, лирика, поэма, драма — всюду онъ изъ первыхъ или первый, единственный или единственный. Ему такъ много надо совершить, что онъ торопится, переходитъ отъ замысла къ замыслу, покидаетъ недоконченными величайшія созданія: «Мѣдный всадникъ», «Русалка», «Галубъ», «Драматическія сцены» — только гениальные наброски. «Евгеній Онѣгинъ» обрывается — и заключительные стихи недаромъ полны предчувствіемъ безвременнаго конца:

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа,
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

Передъ смертью Пушкинъ хотѣлъ вернуться къ «Онѣгину» — не потому, чтобы этого требовалъ сюжетъ поэмы, но онъ чувствовалъ, что слишкомъ многое осталось невысказаннымъ. Иногда, нѣсколькими строками черноваго наброска, намекаетъ онъ на цѣлую невѣдомую сторону души своей, на цѣлый міръ, ушедшій съ нимъ навѣки. Пушкинъ — не Байронъ, которому достаточно 25 лѣтъ, чтобы прожить человѣческую жизнь и дойти до предѣловъ бытія. Пушкинъ — Гете, спокойно и величественно развивающійся, глубоко и медленно зрѣющій; Гете, который умеръ-бы въ 37 лѣтъ, оставивъ міру «Вертера» и несвязанные отрывки первой части «Фауста».

Вся поэзія Пушкина—такіе отрывки, *mebra disjecta*, разбросанные гармоническіе члены, обломки міра, создатель котораго умеръ:

Теперь стою я, какъ ваятель,
Въ своей великой мастерской.
Передо мной—какъ исполнины,
Недовершенныя мечты!
Какъ мраморъ, ждуть онъ единой
Для жизни творческой черты...
Простите-жъ пышныя мечтанья!
Осуществить я васъ не могъ!..
О, умираю я, какъ богъ
Средь начатого мірозданья!

Смерть Пушкина не простая случайность. Драма съ женою, очаровательною Nathalie, и ея милыми родственниками—ничто иное, какъ въ усипленномъ и сосредоточенномъ видѣ драма всей его жизни—борьба генія съ варварскимъ отечествомъ. Пуля Дантеса довершила то, къ чему постепенно и неминуемо вела Пушкина русская дѣйствительность. Онъ погибъ, потому что ему некуда было дальше идти, некуда расти. Съ каждымъ шагомъ впередъ къ просвѣтлѣнію, возвращаясь къ сердцу народа, все болѣе отрывался онъ отъ такъ называемаго «интеллигентнаго» общества, становился все болѣе одинокимъ и враждебнымъ тогдашнему среднему русскому человѣку. Для него Пушкинъ весь былъ непонятенъ, чуждъ, даже страшенъ, казался «кромѣшникомъ», какъ онъ самъ себя называлъ съ горькою прониіей. Кто знаетъ?—если-бы не защита государя, можетъ быть, судьба его была-бы еще болѣе печальною. Во всякомъ случаѣ, преждевременная гибель—только послѣднее звено роковой цѣпи, начало которой надо искать гораздо глубже, въ первой молодости поэта.

Когда читаешь жизнеописаніе Гете,—убѣждаешься, что подобное творчество есть взаимодѣйствіе народа и генія. Необходима возвышенная черта германскаго народа — умѣніе чтить великаго, лелѣять и беречь его, уравнивать ему всѣ пути, чтобы могло совершиться единственное въ мірѣ триумфальное шествіе—жизнь поэта-олимпійца. Пушкина Россія сдѣлала величайшимъ изъ русскихъ людей, но не вынесла на міровую высоту, не отвсевала ему мѣста рядомъ съ Гете, Шекспиромъ, Данте, Гомеромъ,—мѣста, на которое онъ имѣетъ право по внутреннему значенію своей поэзіи. Можетъ быть, во всей русской исторіи нѣтъ болѣе горестной и знаменательной трагедіи, чѣмъ жизнь и смерть Пушкина.